

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Л. П. ПОТАПОВ

ВОЛК В СТАРИННЫХ НАРОДНЫХ ПОВЕРЬЯХ И ПРИМЕТАХ УЗБЕКОВ

В 1928—1930 гг. мне пришлось совершить ряд поездок в различные районы Узбекистана для сбора этнографического материала. В программу полевых работ я включил тогда вопросы народных верований и примет узбеков, так как в те годы они бытовали еще довольно широко, особенно в среде старшего поколения. Я собирал и изучал их в течение трех лет как в кишлаках, так и в городах. Обильные факты, накапливающиеся в процессе работы, вскоре убедили меня в том, что в народных массах узбеков, особенно в кишлаке, весьма распространены не исламские, а более ранние религиозные представления, возникшие и сформировавшиеся еще до того, как среди узбеков утвердился ислам. Несмотря на то, что исламская религия среди узбеков распространилась очень давно, она не смогла вытеснить древних религиозных представлений. Такая же картина, впрочем, наблюдалась и среди других народов Средней Азии и Казахстана. В дореволюционной этнографической литературе это обстоятельство отмечалось неоднократно. Один из авторов (1830 г.) по этому поводу писал: «Киргизы тогда верили, что если во время лета наступят продолжительные дожди, а зимой — постоянные бураны, то это происходит от постоянного чтения муллами корана: по поверью их, т. е. народа, через то заражается воздух. В одно время, зимою, когда Шумшалл-Мулда читал по умершему коран, то чуть не подвергся пытке или сожжению»¹.

Относительно казахов мы имеем еще свидетельство А. Левшина, который отметил: «Постов и омовения — весьма благоразумного постановления Магометова, киргизы не соблюдают; молиться по пяти раз на день находят для себя трудным; мечетей и избранных из среды себя мулл не имеют. . . Киргизы признают существование многих других духов, верят колдунам, ворожеям»². Ч. Валиханов, изучавший казахов и киргизов, пришел к такому выводу: «Мусульманство среди народа неграмотного без мулл не могло укорениться, но оставалось звуком, фразой, под которым скрывались прежние шаманские понятия. Оттого изменению подверглись имя, слово, а не мысль. Онгон — стали называть арвахом. Кук-тенгри — Аллахом или Худаем, духа земли — шайтаном, перидивапа — джином, а идея осталась шаманская»³. Этот выдающийся знаток народной жизни казахов и киргизов здесь же подметил, что прежнее шаманство

¹ Б. Даулбаев. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области. «Зап. Оренбургского отдела РГО», вып. 4, Оренбург, 1881, стр. 103.

² А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832.

³ Ч. Валиханов. Сочинения. «Зап. РГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 26.

«смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называется мусульманской. Но казахи и киргизы, не зная Магомета, верили в Аллаха и в то же время в онгонов, приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, верили в шамана и уважали мусульманских ходжей, поклонялись огню и призывали вместе с онгонами мусульманских ангелов и восхваляли Аллаха. Такие противоречия нисколько не мешали друг другу и киргизы верили во все это вместе. Ислам для основной массы неграмотных дехкан, особенно для живущих кочевым или полукочевым бытом, остался непонятным и чуждым. Он не проник в мировоззрение народа, и от него была воспринята только некоторая часть внешней обрядовой стороны и терминологии отдельных святых».

Не вдаваясь в анализ того, почему ислам не смог вытеснить древние религиозные представления, особенно у кочевой или полукочевой части населения народов Средней Азии и Казахстана, я перейду к изложению материала и некоторых моих соображений по теме, сформулированной в заголовке настоящей статьи. Необходимо напомнить, что поверья и приметы, связанные с волком, известны, вообще говоря, широкому кругу народов различного происхождения. У древних римлян бытовало поверье, что основатели Рима — Ромул и Реми были вскормлены волчицей, а общий божественный предок римлян Марс изображался в виде волка. У Геродота мы находим рассказ о неврах, обладавших способностью раз в год обращаться в волков. У древних германцев волк посвящался богу Вуотану и Цю⁴. Различные народные поверья и приметы о волке мы находим у русских, украинцев и белорусов⁵. Они бытовали также у народов Кавказа, например армян, грузин, абхазцев, сванов, аварцев, курдов⁶. Мы встречаем такие поверья и у народов Севера, у северо-американских индейцев и др.⁷ Разумеется, поверья и приметы, связанные с волком, у различных народов и в разные исторические времена были различны и вызывались неодинаковыми причинами. Большая часть народных поверий и примет о волке у перечисленных выше народов носила зоолатрический характер и была связана вообще с культом животных. Вера в некоторые сверхъестественные свойства волка не отличалась от веры в такие же свойства других животных. Волка боялись, опасались его нападения, его почитали иногда из чувства страха за свою жизнь, за сохранность скота и т. д. Встреча с волком считалась дурным предзнаменованием, волк нередко был символом злой силы и т. д.

Однако более чем у других народов верования о волке были распространены у тюркских и монгольских племен и народностей. При этом во

⁴ T. Grimm. Deutsche Mythologie, vierte Ausgabe, besorgt von Elard Hugo Meyer, Bd. I. Berlin, 1875, стр. 122, 153, 171.

⁵ Дм. Зеленин. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927, стр. 56, 57; Н. Ивановичий. Заметки о народных верованиях в Вологодской губ. «Этнографическое обозрение», 1891, № 3, стр. 227; Е. Ляцкий. Болезнь и смерть по представлениям белорусов. «Этнографическое обозрение», 1892, № 2, стр. 31; его же. Представление белоруса о нечистой силе. «Этнографическое обозрение», 1890, № 4, стр. 27; П. И. Из обрядов малорусских народных легенд. «Этнографическое обозрение», 1890, № 4, стр. 85.

⁶ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. «Сб. материалов для описания племен и местностей Кавказа», вып. 46, Махачкала, 1929.

⁷ В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, ч. 1. СПб., 1900; Н. Харузин. О нойдах у древних и современных лопарей. «Этнографическое обозрение», 1889, № 1, стр. 50; Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири (об ороченах). М., 1884, стр. 185; А. Веселовский. К вопросу о дуалистических космогониях. «Этнографическое обозрение», 1890, № 2, стр. 44; Н. Харузин. Этнография, т. IV. Верования. СПб., 1905, стр. 56—57 и др.

всех народных поверьях и приметах здесь ясно выступает одна черта — волк рисуется как покровитель и защитник людей от всяких несчастий, болезней, от всякого зла. Этот факт станет понятным, если вспомнить цикл тотемистических преданий у древних тюрков и монголов, зафиксированный китайскими летописями. Одно из таких преданий гласит, что древние тюрки, именуемые вначале гаогюйцами, затем телесцами и уйгурами, произошли от сожительства дочери гуннского шаньюя и волка⁸. В другом предании говорится, что древние тюрки-тугу произошли от волчицы и десятилетнего мальчика, который один уцелел из всего рода (хуннов), истребленного врагами. Волчица нашла этого мальчика с отрубленными руками и ногами и стала его кормить мясом. Затем она удалилась в одну из пещер Алтайских гор, где родила десять сыновей, каждый из которых стал основателем особого тюркского рода. Один из них, по имени Ашина, даже имел знамя с изображением волчьей головы, в память о своем происхождении⁹.

Я не буду перечислять здесь все варианты такого рода тюркских преданий, дошедших до нас в китайских династийных хрониках, а отмечу лишь, что древнетюркские каганы, ведущие свое происхождение из дома Хунну, допускали к себе послов только после того, как последние совершали поклонение волчьему знамени¹⁰. Не менее известно в нашей историко-этнографической литературе и древнее предание монголов, в котором говорится, что монголы произошли от бурого волка, рожденного небом, и маралухи¹¹. Таким образом, древние монголы считали себя, как и тюрки, происходящими от волка. Они почитали волка как прародителя своего. Этногенетическая близость в глубокой древности этих двух больших групп племен и народностей, что для современной науки не является уже предметом сомнения, нашла отражение в общности сюжета их генеалогических легенд тотемистического характера. Вот почему поверья и приметы о волке так долго сохранялись в среде современных монгольских и тюркоязычных народностей и могут считаться для них характерными. У бурят, например, волк считался главным духом-помощником шамана. П. П. Баторов писал по этому поводу: «Шаманы имеют хубилганом и ездовым животным волка. Если аларцы увидят во сне волка, то говорят: духи тарасанских или ардайских шаманов требуют жертвы. У бурят волчья шкура считается самым лучшим средством, излечивающим крапивную лихорадку у людей: раздев больного, обертывают голое тело волчьей шубой или одеялом, отчего скоро сыпь исчезает и больной здоров. Кровь волка забрасывают зимой снегом, а летом земель — иначе открыто оставленная кровь может вызвать продолжительное несчастье, ибо волк небесная собака «тэнгерин нахэ». У кого ребята умирают в младенческом возрасте, то поворожденного ребенка обертывают в волчью шкуру, чтобы спасти от нападения Ады и Анахая. На моей памяти буряты угрожали тому, кто был заподозрен в воровстве и не сознавался — «если не сознаешься, то мы тебя заставим жечь на огне сухожилие субер-поно» (это альпийский красный волк) и часто приводили вора к сознанию своей вины. По поверью бурят обожженное сухожилие, вернее самый процесс сжигания, могли вызвать у вора судороги рук и ног, с такой силой, что он жизни будет не рад. Волк слышит и похи-

⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 214—215.

⁹ Там же, стр. 220—221.

¹⁰ Там же, стр. 311.

¹¹ См. Б. Я. Владимиров. Общественный строй монголов, Л. 1934; С. А. Козин. Сокровенное сказание. Юань чао бо ши, т. 1, М.—Л., 1941.

мает человеческий разговор»¹². У якутов волк считался сыном древнего грозного божества Улуу-Тойона¹³. По сообщению А. А. Попова, якуты тушу убитого волка не бросали, а завертывали в сено и вешали на дерево, т. е. хоронили по древнему способу, известному у жителей тайги, например у народов Саяно-Алтайского нагорья. Следы почитания волка и некоторые приметы сохранились также у хакасов, в частности у качинцев¹⁴. Они зафиксированы и у алтайцев и тувинцев¹⁵. У казахов различные части волчьей туши широко употреблялись как амулеты, талисманы, применялись в народной медицине (как магическое средство). Видеть во сне волка предвещало удачу и благополучие¹⁶. То же самое можно сказать о казанских татарах¹⁷. Значительное количество поверий и примет, связанных с волком, записано у гагаузов. Здесь удалось даже собрать некоторый материал по культу волка. В. Мошков, изучавший этот вопрос у гагаузов, сообщает: «Как на остаток волчьего культа, можно указать на «волчьи праздники», во время которых женщины воздерживаются от всяких работ с шерстью. Думают, что если мужчина выйдет в степь в том платье, которое сработано во время волчьих праздников, то волк придет отобрать от него это платье и съест или его самого или хотя одну из его скотин. Один гагауз рассказал мне, что у них в селе женщина прjala во время волчьего праздника шерсть. Вскоре после этого появился волк и утащил ягненка только у этой женщины, не тронувши овец у остальных жителей деревни, которые в волчий праздник ничего не работали»¹⁸. К сожалению, Мошков не пишет, в чем именно заключался и в какое время проводился у гагаузов волчий праздник.

Что касается узбеков, то приходится констатировать, что в существующей этнографической литературе, насколько мне известно, о народных верованиях и приметах о волке сведений не имеется. Поэтому, ставя выяснение этого вопроса в программу полевых этнографических исследований, я в свое время имел основания опасаться, что такого рода материала может не оказаться. Однако действительность не подтвердила мои опасения, и вскоре пришлось убедиться, что упомянутые поверья и приметы довольно широко распространены в кишлаках. Последнее обстоятельство заставило меня фиксировать полевой материал о волке с указанием различных родоплеменных групп узбеков, в среде которых бытовали связанные с волком верования. В годы, когда собирался излагаемый ниже материал, жители кишлаков многих районов Узбекистана хорошо

¹² П. П. Баторов. Белкование у аларских бурят и народные поверья. «Буряттоведение», (Верхнеудинск), 1925, № 1, стр. 12; ср. Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV, СПб., 1883, стр. 39; П. Хороших. Приметы аларских бурят. Иркутск, 1926, стр. 49.

¹³ Г. В. Ксенофонтов. Хрестес, шаманизм и христианство. Иркутск, 1929, стр. 112; Н. Н. Припузов. Животные средства лечения у якутов. «Этнографическое обозрение», 1898, № 2, стр. 124 и др.

¹⁴ И. Каратанов и Н. Попов. Качинские татары Минусинского округа. ИРГО, т. XX, СПб., 1885, стр. 548; И. Каратанов. Черты внешнего быта качинских татар. ИРГО, т. XX, 1884, стр. 634.

¹⁵ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. 1924, стр. 126; Г. Н. Потанин. Указ. соч., т. IV, стр. 132.

¹⁶ Ч. Валиханов. Сочинения. «Зап. РГО по отделению этнографии», т. XXIX. СПб., 1904, стр. 26; А. Диваев. Киргизские приметы. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. IX, Ташкент, 1901, стр. 60; Б. Досумбеков. Табибы и Баксы. «Киргизская степная газета», 1894, № 16.

¹⁷ Насыров. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суннитского магометанства. «Зап. РГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880, стр. 266.

¹⁸ В. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. «Этнографическое обозрение», 1901, № 4, стр. 60.

помнили свое старинное родоплеменное деление и, называя себя узбеками, в то же время считали необходимым указать, из какого родоплеменного подразделения они происходят. Мне казалось, что фиксация древних народных представлений о волке по родоплеменным группам может иметь значение для выяснения ранних этногенетических связей узбеков, этнический состав которых отличается большой сложностью.

Приступая к изложению полевого материала, я хотел бы обратить внимание вначале на то, что большинство поверий о волке у различных групп узбеков связано с роженницей и стремлением сохранить новорожденного. Это вполне увязывается с теми древними тотемистическими представлениями тюркских племен и народностей, согласно которым волк является их прародителем. Прежде всего обращаю внимание на то, что узбеки-катаган (род Халбай) в Самаркандском округе верили, что ношение при себе полового органа, взятого от убитой волчицы, способствует деторождению. Поэтому некоторые носили его, зашитым в трипочке, на плече или за пазухой. Такое поверье и обычай ношения этого талисмана отмечены мною и в Капка-Дарьинском округе среди группы узбеков, именующей себя «аваглы». При трудных родах женищине, чтобы облегчить роды, клали под постель волчью жилу. Так поступали узбеки, причисляющие себя к родоплеменному подразделению уз. Узбеки-уйшун в таких случаях надевали на руку роженницы волчью челюсть наподобие браслета, а узбеки-канглы привязывали роженнице лапу, челюсть или зуб волка. Так же поступали и андижанские кыпчаки, причем у них считалось лучшим средством облегчить роды — дать рожаящей кусочек высушенного волчьего сердца, растертого в порошок и растворенного в воде. Между прочим, мною обнаружен подобный обычай и в среде населения старого г. Андижана. Некоторые андижанцы специально для этого покупали у киргизов волчьи жилы (*тарамыш*). Жилу завертывали в тряпку, клали под постель роженницы (под правое плечо) и не вынимали ее в течение семи дней. После этого волчью жилу подвешивали в комнате или к колыбели ребенка, а иногда помещали в сундук.

Вера в волка как подателя жизни особенно ярко отразилась в обычаях прибегать к помощи своего древнего прародителя в том случае, если в семье дети умирали в раннем возрасте. Узбеки из группы уйшун (Самаркандский округ) в таких семьях новорожденного младенца, в возрасте семи дней, пропускали через волчью челюсть, очищенные от мяса. Узбеки-катаган (род Халбай) с этой целью пропускали новорожденного через хранящуюся у них шкуру, снятую с волчьей пасти, предварительно размочив ее в воде. Узбеки-найманы пропускали младенца через разинутую пасть волчьего черепа, хранившегося во многих семьях специально для этого. Подобную операцию с новорожденным проделывали также узбеки-канглы, употреблявшие сухие волчьи челюсти. Узбеки-уз, чтобы ребенок долго жил, завертывали его на некоторое время в волчью шкуру, либо тоже пропускали через волчью пасть. Сквозь сухие челюсти волка пропускали новорожденных и узбеки-кунград, причем такого ребенка после этого называли *бõри бай*. Еще более был распространен обычай подвешивать к колыбели ребенка в качестве оберега различные части волчьей туши. Узбеки-кунград подвешивали волчий рот, зубы, когти, бабки. Так же поступали и узбеки подразделений уз, катаган, канглы. Узбеки подразделения турк-калтатай вешали волчьи обереги на колыбель детей только в тех семьях, где дети обычно умирали в раннем возрасте. Более взрослым детям они, как и узбеки из подразделения турк-барлас, а также узбеки-аваглы, пришивали обереги на спину или плечи одежды, либо в ситцевом мешочке надевали на шею. Ношение различных волчьих

оберегов у детей узбеков было распространено в кишлаках весьма широко, как я это наблюдал лично в течение своих поездок в различные районы Узбекистана.

Однако волчьи обереги применялись узбеками не только для защиты здоровья и жизни детей. Их носили и взрослые. Узбеки-катаган (мужчины) носили в кармане волчьи клыки (*арш*), считая, что это предохраняет от всяких несчастий. Особенно стойко придерживались этого обычая старики. Мужчины из подразделения турк-барлас с той же целью носили при себе волчью бабку, зашитую в мешочек. Волчьи зубы и когти зашивали в маленькие кожаные мешочки и пришивали к одежде на спину мужчины из подразделения аваглы. Мужчины узбеков-уз не только носили при себе волчьи зубы и когти, но подстилали под себя на ночь волчью шкуру, веря, что это предохранит их от «дурного глаза». Это же поверье я зафиксировал и в г. Хиве, где некоторые носили волчью шерсть при себе именно от «сглаза». Среди узбеков подразделения турк было принято вешать в передний угол жилища волчьи лапы, зубы или когти для охранения жилища от злой силы. Пастухи здесь носили на поясе вместе с ножом в качестве оберега волчью бабку. Мне неоднократно приходилось слышать от местных жителей, что волчьи обереги нельзя продавать, а можно только дарить, что, как мне кажется, вполне согласуется с тотемистическими представлениями. Любопытна такая деталь. Если дарили волчий оберег женщине, то она за это обязательно отдаривала, а именно шила подарившему пояс или тюбетейку. В древние времена, когда зародились и развились тотемистические представления, браки были экзогамными. Женщина в роде мужа всегда была чужеродной, и с нее за оберег родового покровителя тотема можно было получать специальное вознаграждение. Видимо, пережиток этого и сохранился в упомянутом обычае узбеков-катаган.

Функции охранителя и покровителя приписывались волку народными представлениями узбеков не только в отношении защиты и здоровья человека, но и в отношении скота, полей и огородов. Андижанские кыпчаки подвешивали волчьи когти на шею скоту во время эпидемий, а также и просто заболевшему животному. Узбеки-найманы поступали таким же образом, особенно при болезни скота поносом, веря, что волчьи зубы или когти «прогонят» болезнь. Узбеки подразделения турк-калтагай подвешивали домашним животным волчьи обереги (когти, зубы) от «сглаза». Катаганы в Самаркандском округе вывешивали на полях и огородах на песте волчий череп в качестве защиты урожая от различных повреждений, от злой силы. Такого же обычая придерживались узбеки из подразделения уз. Мы обнаружили это и в Хиве, где череп волка надевали на палку, которую втыкали посреди поля. Вера в волка как в покровителя и защитника нашла отражение в некоторых магических приемах народной медицины. Среди узбеков подразделения уйшун в Самаркандском округе, где к больному часто приглашали бакши, «врачеватель» очерчивал голову больного волчьей лапой или когтем, чтобы отогнать шайтана, мучившего больного. Андижанские кыпчаки лечили от испуга, т. е. нервного потрясения, давая заболевшему выпить воду, в которую опускали волчью бабку. Больному сифилисом хорезмийские узбеки из подразделения мангыт давали порошок из волчьей кости или растертой шерсти, смешивая его с толченым сахаром. Между прочим, андижанские киргизы, которых мне удалось посетить в 1929 г., уверяли, что браслет из волчьих когтей, надетый на руку, излечивает от сыпи на теле (крапивницы). Кроме того, они лечили сыпь и прыщи на коже смазыванием волчьей желчью (*от*). Замечу, что «лечение» зудящейся сыпи на

теле (вызванной при простуде) растиранием ее волчьим хвостом, как мне рассказывали, практиковалось узбеками-кунград, казахами и было известно также в народной медицине казанских татар.

Весьма возможно, что вера в волка как божественного покровителя породила местами суеверный обычай искать вора при помощи некоторых магических приемов. Когда хотели обнаружить вора, потерпевший бросал в огонь волчью жилу и читал молитву Азаим-хану. При этом верили, что вора начинали мучить судороги и он приносил, либо подбрасывал украденную вещь. Узбеки Андижанского округа мне неоднократно подтверждали, что существует такой обычай, и подчеркивали, что, когда бросали волчью жилу в огонь, у вора будто-бы сводило судорогой руки и этот недуг иногда оказывался неизлечимым. Перед совершением магического обряда сжигания на огне волчьей жилы окрестное население широко об этом оповещалось и вор обычно тоже знал об этом. Наконец, приведу еще некоторый материал, относящийся к узбекским народным приметам, связанным с волком. Узбеки-кунград считали, что встреча волка в поле предвещает удачу, ведет к добру. То же самое значение у них имел сон, в котором человек видел себя встретившимся с волком. Узбеки подразделения уз верили, что год, в который появлялось много волков, будет для них удачным, счастливым. Они спрашивали человека, выгодно продавшего на базаре свой хлеб или какие-либо другие продукты: «что ты сегодня волка видел что ли?». В Хиве мне говорили о такой счастливой примете: если человеку волк пересечет дорогу, то это непременно сулит ему удачу в делах.

Изложенный материал позволяет сделать вывод, что в основе старинных узбекских верований и примет, связанных с волком, лежат древние тотемистические представления о волке, зафиксированные для тюркских и монгольских племен и народностей еще китайскими династийными летописями. Я имею в виду тотемистические генеалогические предания древних тюрков и монголов. В дошедших до нас древних народных верованиях, хорошо сохранившихся до недавнего времени у различных родоплеменных групп узбеков, эти представления еще заметны, несмотря на то, что тотемистических генеалогий уже обнаружить нельзя. Правда, среди узбеков подразделения катаган (род Халбай) я слышал легенду о том, что волк раньше был человеком, который был превращен в волка проклятием святого. Только древние тотемистические представления могли породить целую серию поверий, согласно которым атрибуты волка оказывают помощь при трудных родах женщине и охраняют новорожденных. Разве не выступает в этих поверьях древнее тотемистическое представление о том, что волк или волчица были прародителями тюрков и монголов? Разумеется — выступает. Это особенно убедительно явствует из того факта, что некоторые узбекские женщины пили от бесплодия волчий жир¹⁹. В этом весьма ярко отразилось представление о волке-прародителе человека. Именно из тотемистического представления о волке-прародителе могли развиваться такие народные поверья и приметы, в которых волк является охранителем и защитником своих потомков. Поэтому-то отдельные части волчьего скелета или шкуры получили значения оберегов от всего дурного, от всяких неприятностей, несчастий, болезней. Отсюда и встреча с волком во сне или наяву — хорошая примета. На мысль о том, что в основе узбекских народных поверий и при-

¹⁹ Обычай пить от бесплодия волчий жир наблюдал этнограф Шишов. Опубликованные им сведения об этом обычае являются, кажется, единственными в этнографической литературе (см. Шишов. Сарты. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. XI, Ташкент, 1909, стр. 394).

мет лежат древние тотемистические представления, наводит и то обстоятельство, что в некоторых местах убитого волка обязательно хоронили. Так, например, убитого волка непременно хоронили узбеки-катаган. Они говорили, что хоронят волка для того, чтобы кто-нибудь его не увидел и не позавидовал бы удаче, ибо зависть может испортить ружье. Между прочим, именно у катаганов сохранилась легенда о том, что волк когда-то был человеком. Обязательно зарывали в землю убитого волка и узбеки-канглы.

Местами волка называли не настоящим именем (*бёри*), а подставным. Например, узбеки-турк (Самаркандский округ) употребляли для этого термин *джандар* (животное) или *карачкул*. То же самое я обнаружил у подразделений канглы и катаган. Современные жители сообщали мне, что они называли волка подставным именем для того, чтобы уберечь от волков скот. При этом они поясняли, что произношение подставного имени будто бы связывало у волка челюсти и он, если даже нападал на овцу, не мог их разжать. Как ни любопытно само по себе это поверье о материальной силе человеческого слова, мне кажется все же, что применение подставного имени для волка объясняется общезвестным и широкораспространенным у тюрков обычаем, запрещающим называть своим именем старших родственников. Поскольку волк считался прародителем тюркских племен, то, видимо, поэтому его называли в разговоре подставным именем. Разумеется, этому факту могут быть даны и другие объяснения, но такое толкование больше согласуется с тотемистическими представлениями, лежащими, как говорилось выше, в основе народных верований узбеков о волке.

Заканчивая настоящий очерк, я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что древние тотемистические представления о волке, сохранившиеся в многочисленных пережитках у различных групп узбеков, лишь подтверждают сложность этнического происхождения и состава современных узбеков, в который, как это хорошо известно, вошел ряд различных древних тюркских и монгольских этнических элементов. В свою очередь наличие именно этих элементов вполне объясняет распространенность в народных верованиях и поверьях узбеков древних тотемистических представлений о волке как прародителе тюрков и монголов. Приходится с сожалением отметить, что народные верования и приметы крайне слабо изучены у многих других тюркских и монгольских племен и народностей²⁰. Едва ли можно сомневаться в том, что при их специальном изучении выявился бы новый обильный фактический материал по этой теме, ярким примером чего служат узбекские народные верования и приметы.

²⁰ О волке, как тотеме у туркмен, см. исследование С. П. Толстова «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен». («Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10).

ЛБЗЧ₁₉₀

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1962

К. Л. ЗАДЫХИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА КАШКА-ДАРЬИ В СУРХАН-ДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ УЗБЕКСКОЙ ССР

Кашка-Дарьинский отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР с 1955 по 1960 г. проводил экспедиционную работу в юго-западной части Сурхан-Дарьинской области УзССР, расположенной в бассейне р. Кашка-Дарья.

В числе других материалов отряд собрал значительный материал по составу населения. Это позволило составить карту современного этнического состава населения бассейна, а по основному населению — узбекам — локализовать территорию их прежнего расселения с учетом родоплеменного деления.

Несмотря на активный процесс расчленения и смешения различных этнических групп, протекавший в Средней Азии начиная с древности вплоть до настоящего времени, еще можно выявить (правда, не с одинаковой полнотой) исторически сложившиеся ранние слои доузбекского населения и ассимилировавшиеся с ними затем крупные узбекские племена Дашти-Кипчака. Они существуют в виде крупных или остаточных этнических компонентов в составе узбекского народа на тех территориях Средней Азии, где они в процессе расселения закрепились и издавна обитают.

Наиболее четко это можно проследить на примере «даштикипчакских», или, как их называли еще «полукочевых узбеков», которые до недавнего времени не только помнили свои племенные и родовые названия, но и сохраняли, по этнографическим данным о населении бассейна Кашка-Дарья, компактность расселения крупными родоплеменными группами на освоенных ими землях и некоторые особенности в хозяйстве, культуре и быте.

Современное население бассейна Кашка-Дарья в настоящее время представлено узбеками, таджиками, арабами и другими численно небольшими этническими группами. Основным же населением бассейна являются узбеки. Они, как указывалось выше, включают в себя группы, не имевшие родоплеменных названий, и группы, сохранявшие различные племенные названия. Последние расселены главным образом в сельской местности. Среди них наиболее крупными являются узбеки-мангыт, конграт, кенегас, сарай, кутчи (кушчи), каучун и др. Каждая из этих групп «родоплеменных» узбеков расселена крупным массивом на занятой ею территории в бассейне Кашка-Дарья.

За последние десятилетия устоявшиеся в XIX — начале XX в. границы области расселения каждой из «родоплеменных» групп узбеков в бассейне Кашка-Дарья стали быстро изменяться. Причина этого заключалась в тех больших политических и экономических изменениях, которые

произошли в результате Октябрьской социалистической революции и развития советского строительства.

Наиболее заметно это проявляется в Каршинском, Шахрисябзском и Китабском районах, которые в прошлом относились к числу «неспокойных» и являлись крупными центрами политических событий в Бухарском эмирате. Здесь непрерывно происходили значительные перемещения и смещения населения вследствие феодальных распрей эмирата и феодальной знати. И все же даже в этих районах отдельные крупные «родоплеменные» группы — мангытов в Каршинском, кенегесов и сараев в Шахрисябзском и Китабском районах — сохраняли компактность расселения.

Не имея возможности в кратком изложении дать характеристику всех изученных нами групп населения бассейна р. Кашка-Дарьи, остановимся только на некоторых.

Среди наших материалов большой интерес представляют данные относительно группы узбеков *уз*, по существу почти не изучавшихся вплоть до настоящего времени. По этим данным узбеки *уз* составляют основной массив населения Январского поселкового совета Чиракчинского района и часть населения примыкающего к нему Алачабабского сельсовета Касанского района. Отдельные представители этой группы встречаются иногда и в других районах. Узбеки *узы* разделяются на четыре крупных группы (*даха*), а именно: *чибат*, *алатун*, *супы* и *мырза*. Каждая из этих *даха* делится на более мелкие родственные группы — *туп*, *тупар*, типа каракалпакских *коше*, киргизских *бир отанын балдары*, казахских *ата баласы*. (Этот термин встречается иногда и у узбеков). Каждая из них ведет свое происхождение от одного отца, и члены каждого тупара являются между собою близкими родственниками: *карындаш*, *ака-ука*. В *чибат даха* входят: *джамат туп*, *утамайли туп*, *хорсан туп*, *авляди джамал туп* и *гялентак туп*; в *алатун даха* входят: *каля туп*, *тахмачи туп*, *артык туп*, *кульбар туп*, *джалаир туп*, *галь уста туп*; в *супы даха* входят: *коса туп*, *джаман туп*, *гардан туп*, *каркалпак туп*, *бай туп*; в *мырза даха* входят: *кольбар туп*, *таджик туп*, *карабай туп*, *абыз туп* и *таук туп*.

Каждая *даха* узбеков *уз* имеет свою территорию и сосредоточена в крупных селениях, имеющих общее название. Такие селения в то же время состоят из разбросанных на близком расстоянии друг от друга небольших *кишлаков*. Каждый из этих *кишлаков* заселен в основном представителями одного тупара и называется его именем. Так, например, крупное селение *Супы* в Чиракчинском районе Январского поселкового совета состоит из нескольких расположенных недалеко друг от друга небольших *кишлаков*, в каждом из которых проживают тупары узбеков из *даха супы*: *джаман туп*, *коса туп*, *гардан туп*, *каракалпак туп* и *бай туп*.

В быту узбеков *узов* еще сохраняет некоторое значение принадлежность в прошлом к определенным родовым группам. Это особенно заметно в семейно-бытовых отношениях, а также в свадебных и похоронных обычаях. Наиболее близкие родственные связи существуют в пределах тупа, но поддерживаются они и в пределах *даха* и между *узами* всех *даха*. Так, при устройстве тоев на празднество в первую очередь приглашаются члены своего тупа, затем другие тупы своей *даха* и, наконец, гости из всех других *даха* узбеков *уз*.

Среди узбеков *узов* сохранились предания о том, что они выходцы из местностей современных Зерабулакского и Катта-Курганского районов Самаркандской области, что на территорию, расположенную недалеко от современного *кишлака* Тарыкпая Акташского района Самаркандской области, когда-то пришел некий *Уз*, затем в Каршинскую степь и местность Беглямиш (современная территория Январского поселкового совета)

пришел сын Уза — Чибат (это произошло десять поколений назад) и что все современные узбеки уз, живущие в Каршинской степи, являются потомками Чибата и Уза¹.

По материалам о хозяйстве и быте узбеков уз видно, что в недавнем прошлом до революции они были скотоводами, разводили в основном овец, имели верблюдов, немного крупного рогатого скота, лошадей (как верховых животных) и ослов.

Общий вид усадьбы узов, жилых и хозяйственных построек характерен для степных полупустынных районов. Усадьбы отдельных хозяйств в кишлаках не огорожены, не имеют никаких древесных насаждений. Жилищем и теперь нередко служит юрта (*кара уй*) и зимний дом (*там*). Стены тама так же, как и стены хозяйственных построек, выложены из крупного земляного кирпича (с дерном) — *чим (чом)*, вырубленного кетменем. В усадьбе большое место занимают постройки для скота: загон (*котан*), *бастырма* — навес на части кутана, а также другие помещения для скота, для хранения сена, кизячного топлива и т. п. Воду для себя и для скота население получает из колодцев глубиной до 20—30 м и более.

Еще и теперь животноводство в личном хозяйстве узбеков узов играет заметную роль. Они держат овец, коз и коров. Юрта (*кара уй*) служит им летним жилищем, особенно для пастухов. Богато представлены у узбеков уз изделия из шерсти — разнообразные безворсовые паласы (*гилям*), различные тканые принадлежности убранства юрты, длинноворсовые ковры (*джульхырс*) и торбы (*напрач*); встречается еще кожаная посуда (*тулуп* и *карын*), в которой хранятся кислое молоко и масло.

Состав продуктов питания, способы приготовления пищи, обработка и заготовка молочных и мясных продуктов также характеризуют узбеков уз как недавних скотоводов. Они хорошие чабаны. Среди пастухов района широкой известностью и уважением пользуется чабан-гуртоправ каракулеводческой фермы № 3 совхоза им. Ахунбабаева Чияльского сельского совета Чиракчинского района Эргаш Халиков, награжденный орденом Ленина и золотой медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Компактная группа узбеков уз привлекает к себе особое внимание исследователей. Не ставя перед собой задачу подробного освещения происхождения этой группы узбеков Каршинской степи, приведем здесь лишь самые предварительные соображения, возникшие в процессе ее изучения.

В списке родов, опубликованных Н. Ханыковым, наряду с широко распространенным в литературе этнонимом *юзь*, *юз*, указывается и этноним *уз*², а в списке узбекских родов, записанных А. Диваевым, указывается *огуз*³. В работе В. Л. Вяткина о Каршинском округе приводятся данные архивных документов, относящихся к первым годам XIX в. (1800—1803 гг.), и на основе их перечисляются племена, роды и колена узбеков, заселявших в то время Каршинский вилайет. Среди них упомянуты также два этнонима узбеков — *юзь* и *уз*, которые, как говорит В. Л. Вяткин, живут «и по сие время в Каршинском и соседних районах в б. Самаркандском и Катта-Курганском уездах»⁴. Именно узбеки-узы, как и другие родоплеменные и этнические группы Каршинского вилайета,

¹ Полевая запись от 26/IV 1960 г.

² Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 58—63.

³ К. Диваев. Предание о происхождении узбеков. «Туркестанские ведомости», 1900, № 97.

⁴ В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. «Изв. среднеазиатского отдела ГРГО», т. XVIII. Ташкент, 1928.

по этим документам обязаны были поставлять определенное, назначенное им, число нукеров в ханское войско. Материалы Кашка-Дарьинского отряда, как показано выше, также свидетельствуют о наличии узбеков уз в Каршинской степи по соседству с Самаркандской областью. Эти узбеки по настоящее время сами себя (и другие их) называют уз, т. е. так же, как 160 лет назад.

Необходимо отметить, что материалы, собранные нами по такой небольшой группе, какой являются узбеки уз в Каршинской степи, и приведенные здесь нами литературные сведения, безусловно, ограничены. Но если принять во внимание стойкость, с какой до сих пор среди этой группы сохраняется этноним уз, а также наличие его в родоплеменной номенклатуре узбеков в форме узь, уз, огуз, то можно предположить сохранение в этническом составе узбекского народа компонента, связанного с союзом племен огузов X в. (они же узы, торки) и объединением печенежско-огузских племен в XI в.

С. П. Толстов в своей работе⁵, анализируя исторические, археологические и этнографические материалы, относящиеся к этой эпохе и к этим объединениям племен, подробно говорит о событиях, связанных с процессом этногенеза тюркских народов Средней Азии — туркмен, каракалпаков, узбеков и отчасти казахов. Он показывает, какое большое место в этом процессе занимали огузско-печенежские группы племен и приводит сведения источников о распаде государства огузских ябгу, о широком расселении огузов в Средней и Передней Азии, отмечая при этом, что огузы (узы) появляются в Мавераннахре и Хоросане еще в X в., вначале как наемники и мирные поселенцы, а затем в XI в. в форме мощного завоевательного движения племен этого объединения на юг⁶.

Нельзя пройти также и мимо сведений Махмуда ибн Вали, приведенных в диссертационной работе Б. А. Ахметова, посвященной государству узбеков Абуль-хайр-хана в Дашти-Кипчаке. Согласно данным Махмуда ибн Вали, в войске Бату-Хана (1224—1255 гг.), называемом общим именем войска кипчаков, наряду с другими племенами находилось и племя огуз⁷.

В связи с изложенным возникают вопросы о том, не связано ли происхождение узбеков с этническими процессами, протекавшими в X—XI вв., и относится ли этноним уз только к изученной нами группе каршинских узбеков уз, или он охватывает значительно большее количество узбеков в Средней Азии и Узбекистане?

Для выяснения этого вопроса надо прежде всего провести историко-этнографические исследования среди родоплеменной группы узбеков, расселенных в соседней Самаркандской области, в Бухарском оазисе и в Гиссаре, которые до сих пор известны под названием юз. Они еще по существу никем до настоящего времени не изучались.

Вместе с тем попытка постановки этих вопросов (даже при наличии ограниченных сведений по группе узбеков юз и уз) в известной мере вызвана тем, что в материалах полевых этнографических исследований, а также в тщательно изученных и недавно опубликованных источниках по истории узбекского народа (Муким-ханская история, Убайдулла-Нама и др.) содержится немало любопытных и немаловажных подробностей. Они в сочетании со всеми известными нам материалами могут помочь разобраться в этих нерешенных вопросах.

⁵ С. П. Толстов. Города гузов (историко-этнографические этюды). «Советская этнография», 1947, № 3.

⁶ Там же, стр. 85—102 и др.

⁷ Б. А. Ахметов. Государство кочевых узбеков при Абу-л-хайр-хане. Диссерт. на степ. канд. ист. наук, стр. 59.

В этническом составе населения бассейна р. Кашка-Дарьи большой интерес представляют также и две другие группы — арабы и старое оседлое население.

В разных районах бассейна встречаются локально разбросанные группы, по происхождению относящиеся себя к арабам. Эта этническая группа изучалась и раньше. Ею занимались главным образом историки и лингвисты⁸. Внимание ученых в бассейне Кашка-Дарьи особенно фиксировалось на арабах кишлака Джейнау Бешкентского района как на группе, среди которой еще сохранялся арабский язык.

В настоящее время, кроме кишлака Джейнау, арабы, проживающие в бассейне Кашка-Дарьи, хотя и помнят свое арабское происхождение, в сущности уже слились с окружающим их узбекским и таджикским населением, говорят на языке своих соседей и почти не отличаются от них ни в хозяйственном, ни в культурном отношении. В кишлаке же Джейнау, правда, только среди старшего поколения еще сохраняется знание арабского языка при общеупотребительном узбекском, отчасти туркменском и таджикском. Старики до сих пор помнят предания о времени прихода арабов в бассейн (сходные с ранее опубликованными).

Большинство арабов Джейнау относят себя к племени Шайбону, меньшая часть их — к племени Кураиш-Ходжа. Основным местом обитания последних считается крупный кишлак Касби, где находится мазар аулия легендарного Мир-Хайдара, по представлению населения пришедшего сюда из Аравии еще до Тимура и принадлежавшего к племени Кураиш. Потомками Мир-Хайдара и его сыновей и считают себя кураиш-ходжи, проживающие в Касби и Джейнау. По сведениям, полученным от стариков, арабы кишлака Джейнау относятся к подразделениям *бавора*, *аувана*, *харрук*, *катта-пой*, *мушантар*, *кучуклар*, *гурджилар*, *гавхор*, *булучлар*, *суфилар*, *чукуркуль*, *фарика*. Подразделения бавора, аувана, харрук, катта-пой и чукуркуль были известны и ранее по публикациям о среднеазиатских арабах⁹.

Из них более близкими между собой считаются арабы подразделений бавора, аувана и харрук. Их более дальними родственниками (*узак карындаш*) считаются все остальные подразделения. У старшего поколения указанных выше трех подразделений до сих пор, как уже отмечалось, сохраняется и знание арабского языка. В прежнее время арабы не вступали в брачные отношения с окружающим населением. Более того, даже среди арабов существовали ограничения, существовало правило, по которому араб мог жениться на девушке из ходжи, а девушку-арабку заходить замуж не отдавали. По традиции юноши из подразделений бавора женились на девушках только из подразделения аувана, браки с девушками из других подразделений не разрешались. В настоящее время эти обычаи уже мало соблюдаются, и брачные отношения устанавливаются между разными подразделениями арабов.

Основным занятием арабов до Октябрьской революции являлось каракулеводство. До сих пор среди них развито ткачество: на широком горизонтальном ткацком стане женщины ткут высококачественные, красивые, со своеобразным орнаментом, широко известные и высоко ценящиеся безворсовые паласы (*араби гилем*). В женской одежде (праздничной и свадебной) у арабов Джейнау сохранился старинный женский и девичий головной убор (*гиззи* и *каспа*), а также богатые серебряные украшения,

⁸ См. «Труды второй сессии ассоциации арабистов». «Труды Института востоковедения», вып. XXXVI. М.—Л., 1941 и др.

⁹ Г. В. Церетели. К характеристике языка среднеазиатских арабов. «Труды второй сессии ассоциации арабистов»; стр. 148.

имеющие, однако, ряд общих черт с одеждой и украшениями женщин у узбеков-карлуков и у соседних туркмен.

Большой исторический интерес представляют некоторые данные, выявленные в процессе работы в западной части бассейна Кашка-Дарьи и связанные с наиболее древним этническим компонентом в составе узбекского народа, — старым оседлым населением. Как известно, территория бассейна относится к древнему Согду, и памятниками той эпохи являются многочисленные курганы (*тепе*), расположенные также и в современных Бешкентском, Касанском и Каршинском районах бассейна Кашка-Дарьи. Во многих селениях этих районов, таких, как Касби, Майманак, Камелян, Фазли, Ширкент, Абдида и других, являющихся древними культурными центрами давно оседлого населения, в настоящее время проживают преимущественно узбеки без родовых делений. Еще и теперь (при характеристике населения этих кишлаков) его выделяют особо, да и сами жители отмечают, что в прошлом у них были некоторые особенности в хозяйстве, культуре и быте, не свойственные массе окружающих их полукочевых узбеков, арабов и др. Последние же об узбеках указанных селений говорят, что они огнепоклонники (*язид*), люди без веры (*динсиз*), люди, не имеющие своего покровителя — пира (*бипир*), что они *тавар мусульман* (тадж. *табар* — топор), т. е. такое население, которое с приходом арабов приняло религию мусульман «под топором» — насильственно. Так, наш информатор в кишлаке Джейнау Чоры Раджабов, узбек-араб, рассказывая о населении Майманака, Меришкора, Камеляна и части населения Бешкента, говорил, что они *язид*, *тавар мусульман*, что до того, как они стали мусульманами, их богом был огонь (*ало*), который жители Майманака зажигали в *бутхана* и там ему молились. Язиды, когда пришли арабы, отказывались принять их веру. Тех же, «кто не соглашался стать мусульманином», убивали, бросали в воду. Язиды укрывались в крепостях и отказывались подчиниться. Тогда, чтобы взять укрепления, открывали воду и пытались либо затопить их, либо заставить защитников выйти из них и покориться арабам. В результате такой борьбы погибло много язидов, и поэтому их здесь осталось мало. Тех же, кто сдавался и, вынуждаемый насилием, принимал ислам, потому и стали называть «тавар мусульман». Чоры Раджабов рассказывает, что крепость Касби разрушил араб Хазрет Али, зять (*кыеу*) Пайгамбара Мухаммада, за то, что жители ее не захотели принять мусульманскую веру. Другой информатор Джураев Хуррам, узбек-каучун из кишлака Каучун, также называл жителей соседнего кишлака Ширкент «язид», «тавар мусульман», говоря, что они люди без пира, имеют отдельное кладбище (*мазарат*) и могилу копают прямую, не делая *лахат*. Для обмывания покойника, в отличие от полукочевых узбеков, приглашается особый обмывальщик (*мурдашуй*). Жители кишлаков Ширкента и Каучуна не вступали друг с другом в брачные связи. По словам Хуррама Джураева, в прежнее время даже дети из этих кишлаков не дружили и дрались между собой.

Известно, что до проникновения ислама в Средней Азии одной из распространенных религий являлся зороастризм. О насильственном внедрении здесь в эпоху арабского завоевания ислама и его шариатных норм свидетельствуют и данные арабских источников¹⁰. Предания, подобные приведенным нами, сохранились в Средней Азии не только среди населения бассейна Кашка-Дарьи, но и в Хорезме. Здесь долго сохранялся один из наиболее древних религиозных пережитков — поклонение огню.

¹⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1906, стр. 198.

По рассказам стариков, до появления мусульманства «в Хорезме богом был огонь; поклоняющиеся ему назывались «от-параст»; его они и чтили»¹¹. Предания о насильственном обращении в мусульманство сохранялись и у горцев Таджикистана¹².

В настоящее время признаки, характеризующие различия составных компонентов населения бассейна Кашка-Дарьи, быстро изживаются. К ним относятся и остаточные явления родоплеменного деления у полукочевых в прошлом узбеков, и различия в области хозяйства, идеологии, культуры и быта, потерявшие в условиях советского общества свое бывшее значение.

¹¹ К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Труды Хорезмской экспедиции», т. 1. М., 1952, стр. 412.

¹² А. К. Писарчик. О некоторых терминах родства таджиков. Сборник, посвященный А. А. Семенову. «Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XVII, 1953.